

Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев)

<https://doi.org/10.31483/r-150701>

УДК 39(=512.142)

Айбазов А. И.^{1,a}, Схалъахо Р. А.^{2,b}

¹ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева»

г. Карачаевск, Российская Федерация

²Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

^a <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>, e-mail: aslan-87@yandex.ru

^b <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>, e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Резюме. Представленная работа посвящена исследованию научного наследия Н. А. Буша. Основными областями его научного интереса были растительность, флора и география Кавказа. Сопутствующим результатом многочисленных поездок на Кавказ стали материалы фольклорного и этнографического характера, а также этнографические коллекции. К ним в последние годы проявляется значительный интерес. Настоящая работа вводит в оборот материалы, касающиеся карачаевцев. Они были зафиксированы Н. А. Бушем в конце XIX в. и сохранились в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива Российской академии наук. Материалом для настоящей работы послужили сведения, заимствованные из дневника, который Н. А. Буш вел в ходе летней поездки в Кубанскую область в 1897 г. Некоторые результаты данной поездки были опубликованы в виде отдельной статьи, но в большинстве своем материал еще не был обнародован. В связи с этим для авторов статьи было важно проанализировать научную ценность дневников ученого. Работа основана на сравнительном методе. Авторы также ставят целью обратить внимание исследователей на самого Н. А. Буша как на собирателя-кавказоведа, чей материал в массе своей не исследован. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что ученому удалось зафиксировать ценные фольклорные и этнографические данные. Анализ материала позволяет говорить, что сведения, собранные Н. А. Бушем, в полной мере заслуживают доверия и могут быть крайне интересны для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: фольклор, этнография, Буш, Кавказ, кавказоведение, Карачай, карачаевцы.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках плановой темы научно-исследовательской работы Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

Для цитирования: Айбазов А. И. Полевые дневники ботаника Н. А. Буша, как источник о фольклоре и этнографии народов Кавказа (на примере карачаевцев) / А. И. Айбазов, Р. А. Схалъахо // Этническая культура. 2025 Т. 7, № 4. С. 8-15. DOI 10.31483/r-150701. EDN BVPHNW

Research Article

Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays)

Aslan I. Aibazov^{1,a}, Roza A. Skhalyakhon^{2,b}

Karachay-Cherkess State Pedagogical University
Cherkessk, Russian Federation.

Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography
Saint Petersburg, Russian Federation.

^a <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>, e-mail: aslan-87@yandex.ru
^b <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>, e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Abstract. This paper explores the scientific legacy of N. A. Bush. His primary areas of interest were the vegetation, flora, and geography of the Caucasus. His numerous trips to the Caucasus yielded folklore and ethnographic materials and information, as well as ethnographic collections gathered from local residents. Interest in these materials has increased in recent years, and some of the collection has been included in scholarly circulation. This paper aims to continue this endeavor and introduces materials relating to the Karachays. These materials were recorded by N. A. Bush in the late 19th century and are preserved in his personal collection at the St. Petersburg branch of the Russian Academy of Sciences. This paper draws on information from a diary kept by N. A. Bush during his summer trip to the Kuban region in 1897. Some of the results of this trip were published as a separate article, but the majority of the material has not appeared in print. Therefore, it was important for the authors of this article to analyze its scientific value. The primary research method for this study is comparative analysis. The authors also aimed to draw researchers' attention to N. A. Bush himself as a collector and specialist in the Caucasus, whose material remains largely unstudied. The results obtained during the study demonstrate that the scholar was able to capture valuable folklore and ethnographic data. Analysis of the material allows us to conclude that the information collected by N. A. Bush is fully trustworthy and may be of great interest for further study.

Keywords: ethnography, folklore, Bush, Caucasus, Caucasus studies, Karachay, Karachays.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the planned research topic of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Aibazov A. I., & Skhalyakhon R. A. (2025). Field Diaries of the Botanist N. A. Bush, as a Source of Folklore and Ethnography of the Caucasus Ethnic groups (Using the Example of the Karachays). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 7(4), 8-15. EDN: BVPHNW. <https://doi.org/10.31483/r-150701>

Введение

Николай Адольфович Буш (1869–1941) — выдающий-

ся ученый-ботаник, систематик, географ, автор огромного количества научных работ. В историю отечественной

науки он также вошел как талантливый преподаватель, воспитавший целую плеяду известных учеников. О масштабе его личности и вкладе в науку красноречиво говорит тот факт, что к началу 70-х гг. XX в. в его честь было названо 33 таксона растений¹. При этом имя Н. А. Буша сегодня малоизвестно в кругу кавказоведов. Это обстоятельство делает актуальным обращение к его богатому и разностороннему научному наследию, являющемуся результатом многолетней полевой работы.

Кавказ был главным направлением его научных изысканий. Первые поездки он совершил еще студентом в 1894 г., и с перерывами ездил туда до 1913 г. Объектом его интереса была флора и растительность. Н. А. Буш также внес значительный вклад в изучение географии Кавказа. Революция 1917 г. и Гражданская война вынудили на время прекратить кавказоведческие исследования. В 1925 г. начался второй цикл экспедиций. В 1934 г. в связи с организацией Юго-Осетинского горно-лугового стационара² ученый переходит к стационарным методам научной работы.

В многочисленных поездках раскрылась еще одна грань таланта Н. А. Буша. Обладая редкой наблюдательностью, открытостью к новым знаниям и широтой интересов, он записывал свои наблюдения за жизнью народов, встречавшихся в различных уголках Кавказа, а также фиксировал данные об их фольклоре, этнографии и истории. В частности, в 1927 г. в Балкарии и Диории ботаническая экспедиция под его руководством записала 19 балкарских и диорских сказок³. К сожалению, эти записи не были опубликованы и даже сам факт сбора был вскоре забыт. Ситуация с изучением собранного им этнографического материала начала меняться только в последнее время благодаря работам Д. И. Месхидзе [Месхидзе, 2023, с. 220–250].

В настоящей работе продолжается начинание Д. И. Месхидзе, связанное с публикацией материалов Н. А. Буша. Благодаря изысканиям, проведенным в отечественных архивохранилищах, мы можем уверенно говорить, что увлеченность ученого в деле собирания фольклора и этнографических материалов была даже большей, чем предполагалось ранее.

Материалы и методы исследования

Цель настоящей работы — привлечение внимания авторов к собранным Н. А. Бушем материалам. Мы сочли уместным для этого провести некоторый предварительный анализ вновь публикуемого материала, продемонстрировать насколько возможно его научное значение и потенциал, показать, что и в области фоль-

¹ Федоров А. А. Николай Адольфович Буш как систематик и флорист (к столетию со дня рождения) // Ботанический журнал. 1969. Том 54. № 11. С. 1646. Часть названий дана одновременно в честь него самого и его супруги.

² Шенников А. П. Памяти Николая Адольфовича Буша // Ботанический журнал. 1952. Том 37, № 5. С. 714–715; Уткин Л. А. Жизнь и деятельность Н. А. Буша (к пятнадцатилетию со дня смерти) // Известия Всесоюзного географического общества. 1956. Том 88, № 6. С. 541; Корчагин А. А. Научная и педагогическая деятельность Николая Адольфовича Буша // Ботанический журнал. 1969. Том 54, № 11. С. 1635–1637.

³ Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1927 год. II. Отчет о научных командировках и экспедициях. Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1928. С. 100.

клора и этнографии Н. А. Буш являлся ответственным и заслуживающим доверия собирателем.

Работа основана на методе сравнительного анализа. Исследование и анализ привлеченного материала осуществлялись с учетом объективных ограничений, накладываемых форматом научной статьи.

Настоящее сообщение ни по объему, ни по глубине разработки не претендует на исчерпывающий анализ сведений и итоговый характер озученных выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Летом 1896, 1897 и 1899 гг. на средства Русского географического общества Н. А. Буш последовательно совершил три поездки на Кавказ для изучения местных ледников и флоры. Основным районом, где осуществлялись исследования, была Кубанская область. Результаты поездок вскоре были опубликованы Н. А. Бушем на страницах известий общества.

В личном фонде ученого в Санкт-Петербургском филиале архива Академии наук нами выявлено дело, в котором отложились полевые дневники, которые он вел в этих поездках. Материал значительный — пять тетрадей, 18 записных книжек, общий объем более полутора тысячи листов. В особенности любопытен дневник Н. А. Буша, содержащий записи с седьмого июля по 14 августа 1897 г.⁴ Дневник представляет собой небольшую записную книжку в кожаной обложке. Сохранность документа высокая, но блок распадается, часть листов выпадает. Записи сделаны карандашом скорым малоразборчивым почерком. Имеются немногочисленные потертысти текста, несколько затрудняющие чтение оригинала. Хотя часть дневника опубликована в статье «Предварительный отчет о втором путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1897 году»⁵, в нем также имеется материал, еще не известный ученым.

Н. А. Буш писал, что главной целью экспедиции в 1897 г. было исследование ледников, находящихся по р. Чхалты и ее притокам, а после он имел поручение осмотреть ледники между р. Тебердой и Учкуланом⁶. Третьего июля 1897 г. он прибыл вместе со студентом Санкт-Петербургского университета Н. Н. Щукиным⁷ на железнодорожную станцию Невинномысскую. Шестого июля они выехали в Тебердинский аул и доехали туда на следующий день. «В ауле пришлось прожить целую неделю; надо было купить лошадей и нанять проводников. В это время мы старались ознакомиться с бытом и нравами карачаевцев. Теперь мы были уже хорошо известны в ауле, и нас радушно принимали в каждой сакле; показывали нам внутреннее устройство жилища, домашнюю утварь, процесс производства бурок, национальные танцы и пр.»⁸.

⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Фонд 897. Опись 1. Дело 57. Листы 1403–1504.

⁵ Буш Н. А. Предварительный отчет о втором путешествии по Северо-Западному Кавказу в 1897 году // Известия Императорского Русского географического общества. 1898. Том 34, выпуск 5. С. 519–590.

⁶ Там же. С. 519.

⁷ В дневнике его имя встречается под аббревиатурой Н. Н.

⁸ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 523.

Из дневника известно, что девятого июля они приобрели две лошади и наняли трех проводников. «Их имена: Рамазан Кипкеев, Ахъя Семенов и Чомак Семенов»⁹.

Десятого июля Н. А. Буш был приглашен одним из жителей аула, Томашем Кочкаровым, на вечеринку в дом прaporщика¹⁰ Адемея Байчорова. Семья последнего — знаковая в истории Карабая, в особенности аула, где остановился ученый: «Тебердинский аул основан 29 лет назад Ужаем, отцом Султана, почему он до сих пор и называется у казаков Ужаевым аулом, — пишет Н. А. Буш. — У Ужая было 4 сына и 4 дочери. Султан и четыре его сестры от первой жены, а остальные три сына от второй, а именно Адемей, Чепело и (имя зачеркнуто. — Авт.) Паблач и Ужай»¹¹.

В доме Байчоровых Н. А. Буш сделал самые интересные записи: «В 10 часов я вошел в кунацкую его сакли и застал уже там несколько молодых карачаевцев, семью хозяина, состоящую из довольно красивой жены и маленькой дочери и двух девиц, из которых одна племянница хозяина, а относительно другой я не знаю ничего. Один кавалер с племянницей танцевали, а остальные кавалеры хлопали в ладоши в такт. Танец очень однобразный: он состоит в поперееменном наступании и отступании кавалера к девице, и девицы к кавалеру. Замечательно, какою природною грацией, изяществом и ловкостью отличаются все движения, как дам, так и кавалеров. Ничего лишнего или грубого, все очень скромно, просто, непринужденно и изящно. Я видел еще танец, который танцуется двумя мужчинами, из которых один обнимает другого за плечи и потом оба приплясывая двигаются в одном направлении»¹².

В первом танце без труда можно узнать карачаевский *тюз-тепсей*, т. е. простой танец. Н. А. Буш не случайно стал свидетелем его исполнения. По словам Г. Ф. Чурсина, посетившего Карабай через несколько лет, это был «самый употребительный, самый популярный танец в Карабае»¹³. Таковым он остается и в настоящее время, редкий праздник проходит без его исполнения. Второй танец идентифицировать не удалось. Надеемся, что профильные специалисты смогут сделать это в будущем.

В тот же вечер Н. А. Буш, как он выражается, «слушал песню». Узнав в ее тексте знакомое название Учкулан, он попросил хозяина дома рассказать ее содержание. С его слов был записан следующий рассказ:

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1412. Современники были единодушны, называя Н. А. Буша светлым, доброхолательным и отзывчивым человеком. Мы в свою очередь не можем не отметить деталь, которая вполне подтверждает справедливость этих слов. Проводник А. Семенов был уже знаком с ним и за помощь в поездке 1896 г. по инициативе Н. А. Буша, был награжден бронзовой медалью Российского географического общества. Р. Кипкеев и Ч. Семенов позднее получили такие же медали за содействия, оказанные в поездке 1897 г. [Отчет Императорского Русского географического общества за 1896 год. Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1897. С. 53; Отчет Императорского Русского географического общества за 1897 год. Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1898. С. 48].

¹⁰ Историк Ш. М. Батчаев в устной беседе сообщил, что по его данным Адемей Байчоров хотя и состоял на военной службе, но чина прaporщика на тот момент не имел.

¹¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1422–1423.

¹² Там же. Листы 1412 оборот–1414.

¹³ Чурсин Г. Музыка и танцы карачаевцев // Кавказ. 1901. № 270. С. 2.

«Легенда о Канамате. В Карабае недавно был разбойник по имени Канамат. Он со своими товарищами наставил страх на все население; много скота перегнал он на южный склон хребта. Он был пойман и сослан в Сибирь на каторгу, откуда бежал прямо назад в Уч-Кулан. Жители Уч-Кулана пришли в ужас, узнав о его появлении и собралась небольшая партия, решившая его убить. Канамат же, побуждаемый любовью к родине, не думал искать спасения в бегстве; он поселился у одного из своих старых кунаков и считал себя в безопасности, потому что не думал, что его место пребывания сделается известным. Однако нашелся человек, который указал врагам Канамата, где он скрывается. На дом этот было произведено нападение и геройски защищавшийся Канамат был убит. Это произошло в прошлом году, как говорит хозяин. Удивительно, что в течение года понемногу составилась целая народная легенда, при том рифмованная, как сообщил хозяин»¹⁴.

Легенда на самом деле представляет собой одну из наиболее известных карачаевских историко-героических песен, посвященных абреку Канамату Эбзееву. Как писал один из первых карачаевских литераторов И. Карабайллы, «в Карабае очень известна песня “Канаматны джыры” — песня о Канамате»¹⁵. Помимо карачаевского оригинала существуют еще балкарские и кабардинские варианты¹⁶.

Песня о Канамате пережила множество публикаций. Впервые ее текст был опубликован венгерским ориенталистом В. Прёле в 1909 г. в журнале «Keleti szemle»¹⁷. Наиболее известным и распространенным следует назвать вариант, напечатанный М. А. Дудовым и Х. О. Лайпановым в 1940 г. в сборнике карачаевских народных песен¹⁸. Запись Н. А. Буша соответственно является наиболее ранней фиксацией данного сюжета, что само по себе весьма ценно.

М. А. Дудов и Х. О. Лайпанов сопроводили свой вариант небольшим предисловием (надо полагать, полученным от младших современников событий), в котором они сообщают историю злоключений абрека¹⁹. По их словам, К. Эбзеев был якобы из аула Нижняя Теберда. Однажды царские чиновники дали распоря-

¹⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1414 оборот–1416 оборот.

¹⁵ Ислам Карабайллы. Сатирические песни Карабая // Советский Северный Кавказ. 1930. № 1. С. 39.

¹⁶ Малкъар поэзияны антологиясы / составители А. Ю. Бозиев, С. А. Отаров, А. Х. Сотаев. Нальчик : Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. С. 78–79; Малкъар халкъ жырла / составители С. А. Отаров, А. З. Холаев. Нальчик : Эльбрус, 1969. С. 87–88; Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / составители В. Х. Барагунов, З. П. Кардангушев. Москва : Советский композитор, 1990. Том 3. Часть 2. С. 296–301. В совместной статье выдающихся советских поэтов балкарца К. Кулиева и осетина Н. Джусойты есть даже следующие слова: «Самыми знаменитыми абреками ... были чеченец Зелимхан, балкарец Канамат, осетин Сала Гаглоиты» (Песни народов Северного Кавказа. 2-е издание. Ленинград : Советский писатель, 1976. С. 26).

¹⁷ Pröhle W. Karatschajische Studien // Keleti Szemle. Budapest, 1909. Tome 10. S. 251–252.

¹⁸ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Эски къарачай джырла. Микоян-Шахар, 1940. С. 59–61.

¹⁹ Малоинформативными комментариями сопровождена и первая публикация песни. В них В. Прёле поясняет, что «Канамат, сын Алия», был известным абреком, который убит примерно 13–14 лет назад запертым в доме в Учкулане.

жение старшинам карачаевских селений выдать разного рода преступников и лиц противных закону. Старшина аула, который по какому-то поводу имел на него вражду, решил воспользоваться случаем и арестовал Канамата, его брата и товарища. Арестованные смогли бежать. Не имея возможности вернуться в родной аул, они несколько лет скрывались в лесах. Устав от подобной жизни, в 1893 г. они решают покончить с абреchestvom и получить необходимые для этого документы. Они приезжают в аул Учкулан. В конце концов с бумагами им обещает помочь некто Хаджибекир Гюллюев. Заручившись их доверием, он вероломно выдает беглецов. Старшина аула со своими людьми окружает дом, где они скрывались, и в завязавшейся перестрелке Канамат погибает, его спутников отправляют в Сибирь²⁰.

Тем же вечером Н. А. Бушу сообщили другую версию случившегося. Примечательно, что в этот раз информатором был не Адемей Байчоров, а Т. Кочкаров: «Томаш рассказал мне действительную историю Канамата. Он был схвачен после бегства с каторги, приговорен обществом к выселению обратно в Сибирь и выслан, но дорогой, в Хумаре, ему удалось бежать. Он решил достать себе подложный паспорт и бежать в Турцию. Для этого он отправился ночью к писарю в Уч-Кулан, который его лично не знал, ибо не видел по возвращении с каторги, но догадался, что имеет дело с подозрительными людьми (с Канаматом было 2 товарища). Он под предлогом отсутствия у него бумаги сказал, что пойдет в лавку за бумагой, а сам отправился к старшине. Старшина собрал народ, окружил дом, где находились разбойники и убил Канамата. За убийство его судили, но он был оправдан»²¹.

Все упомянутые выше варианты сообщают одну историю. С небольшими оговорками можно сказать, что они скорее дополняют друг друга, чем противоречат. Там, где расхождения имеют место, они преимущественно связаны с оценкой и трактовкой личности абрека и совершенных им действий.

Представленные выдержки, безусловно, являются весомым аргументом в вопросе о надежности сведений, собранных Н. А. Бушем. На наш взгляд, их вполне достаточно, чтобы говорить о нем как о внимательном и добросовестном собирателе. Записи Н. А. Буша точны даже в деталях. Например, та часть, где Т. Кочкаров рассказывает о писаре и о том, как тот сообщил властям о Канамате, с удивительной точностью повторяется в тексте песни, опубликованной более чем через сорок лет. В публикации М. А. Дудова и Х. О. Лайпанова есть строки: *Как только мы пришли [к Гюллюеву Хаджибекиру], он нас в кунацкую отвел / хитростью наше оружие с рук снял, / ночью накормил кровавыми яствами, / утром же как черных овец зарезал / - я пойду и возьму бумагу, ручку / для тебя, Канамат, хороший документ напишу, / чтобы никто тебя не увидел, основательно спрячусь, / возьму [для вас] паспорт и отправлю к турецкому султану*²². Эпизод сохранился в фольклоре кабардинцев²³.

²⁰ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 59.

²¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1421–1422.

²² Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 60.

²³ Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. С. 301.

Н. А. Буш оказывается ближе к истине, утверждая, что абре Канамат погиб в прошлом, то есть в 1896 г., а не в 1893 г., как сообщают М. А. Дудов и Х. О. Лайпанов. Точно указать дату смерти возможно благодаря ведомости о происшествиях Баталпашинского отдела Кубанской области, согласно которой К. Эбзеев был убит пятого июня 1895 г.²⁴

Удивление Н. А. Буша по поводу того, как быстро появилась народная песня, не может не подтолкнуть нас к следующим мыслям. По степени популярности песню о Канамате действительно можно назвать народной, но исследователи сходятся во мнении, что она была сочинена знаменитым в Карачае джырчы²⁵ Касботовом Кочкаровым²⁶. У нас нет оснований подвергать эту точку зрения сомнению. Однако М. А. Хабичев замечает, что содержание песни в первой публикации В. Прёле «во многом отличается от содержания современных вариантов»²⁷. Возможно, изначально существовало несколько различных песен об абре Канамате, а К. Кочкаров был автором одной из них. Слова Н. А. Буша дают некоторые основания для подобных измышлений.

В советское время история абре Канамата приобрела ярко выраженную классовую интерпретацию: «Канамат Эбзеев и его товарищи изображены в песне с большой любовью, а представители господствующих сословий (“стая воронов”), виновные в трагической гибели героя, рисуются в резко отрицательных тонах»²⁸. Или же: «Песня призывает к уничтожению царских порядков. Известно, что уже в дореволюционный период песни “Барак”, “Канамат”, “Гапалау” стали песнями трудящихся, их запрещали петь в среде привилегированных слоев общества»²⁹.

Мотив социального протesta в песне действительно представлен. Мы сознательно опускаем возможность того, что в оригинальный текст в советское время могли быть внесены какие-то идеологические правки. Но мы далеки от мысли, что популярность песни и образа абре Канамата обуславливаются только этим. Сложно поверить, что ее запрещали в богатых домах, и что ее нужно воспринимать как своеобразный гимн пролетариата. Приведенные строчки Н. А. Буш записал в доме Адемея Байчорова, семья которого была одной из наиболее влиятельных и богатых в Карачае³⁰. Причину популярности следует искать в менталитете местного населения. «У达尔ь, отвага всегда считались у карачаевцев высшими доблестью человека, поэтому карачаевская песня с особенной любовью отмечает проявления этих качеств, — писал в 1901 г. Г. Чурсин. — Такова, напр., песня о разбойнике Канамате»³¹.

²⁴ Государственный архив Краснодарского края. Фонд 454. Опись 2. Дело 2494. Листы 27 оборот–28 оборот.

²⁵ Джырчи — ашуг, народный певец-импровизатор, поэт.

²⁶ Хабичев М. А. Касботов Кочкаров — старейшина народных поэтов. Черкесск : Карабаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1986. 256 с.; Ортабаева Р. А.-К. Карабаево-балкарские народные песни. Черкесск : Карабаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 152 с.

²⁷ Там же. С. 65.

²⁸ Ортабаева Р. А.-К. Указанное сочинение. С. 65–66.

²⁹ Хабичев М. А. Указанное сочинение. С. 64.

³⁰ Добавим, что В. Прёле записал свою версию у Иммулата Хубиева — человека весьма состоятельного, авторитетного эфенди, помощника народного кадия Карабая.

³¹ Чурсин Г. Указанное сочинение. С. 2.

Иными словами, как бы ни была противоречива фигура абрека К. Эбзеева, но в сознании людей, причем и среди богатых, и среди бедных, он воспринимался как архетип мужчины-воина и соответственно как образец для подражания. Для народа, который большую часть истории провел в непрерывной борьбе за выживание, те качества, которые делали из мужчин храбрых воинов, становились наиболее ценными. Упомянутый ранее И. Карабайлы писал, что «Канамат был преступником с точки зрения царских сатрапов, но он был сподвижником в глазах народных масс», что от песни «веет благородством борьбы», но свои размышления о герое песни, он начал со слов: «Канамат Алиев[ич], это – некий мужественный карачаевец, которого преследовал царский закон»³². Таким абрек остался в памяти большей части карачаевцев³³.

Бросается в глаза, насколько по-разному информаторы Н. А. Буша оценивают личность абрека. В первом случае — он герой и патриот, хотя и разбойник. Во втором — рассказчик называет его преступником. Объяснение комплементарного отношения со стороны первого рассказчика мы постарались дать выше. Причины негативного отношения со стороны второго могут быть весьма прозаичными. К. Эбзеев был убит однофамильцем, считай, дальним родственником, Т. Кочкарова старшиной аула Учкулан Хаджи-Умаром Кочкаровым³⁴.

Тогда же Н. А. Буш записал еще один интересный текст, озаглавленный им как легенда об Азнауре: «Во время захвата Западного Кавказа жил разбойник Азнаур, который действовал, впрочем, главным образом в Терской области. У него был знаменитый белый конь, которого знали все и по которому вся кому было легко узнать Азнаура. Однажды он с товарищами ночевал в горах. Случайно проснувшись, он неожиданно увидел приближающийся к нему русский отряд, выслеживавший его. Так как отряд был уже близко, чтобы обмануть врагов, Азнаур не сел на белого коня, который мог бы его немедленно выдать, а послал его с одним из товарищей укромной дорогой вперед, сам же сел на другую лошадь. Русские, однако не оставили преследования. Азнаур увидел, что его положение стало критическим, тем более что его лошадь совсем измучилась и готова была пасть. Тут его охватило жгучее чувство раскаяния за то, что он отоспал своего верного коня, который мог бы его спасти. Отряд между тем надвигался все ближе и ближе. В отчаянии Азнаур просил своих товарищей дать ему новую лошадь, но те в ужасе старались спасти свою жизнь поспешным бегством. Тогда Азнаур, оставленный своими, снял с лошади седло, лег на него и положил голову. В таком положении его нашли русские и убили»³⁵.

Рассказ интересен уже тем, что в записях карачаевского фольклора данное произведение встречается весьма редко. А в том виде, в котором его зафиксировал Н. А. Буш, — неизвестно вовсе. Здесь мы имеем дело с ранее неопубли-

³² Ислам Карабайлы. Указанное сочинение. С. 39.

³³ Мы имели возможность общаться с прямым потомком К. Эбзеева — Иоска Хаджимуратовичем Эбзеевым 1954 года рождения. На наш вопрос, не испытывал ли он какого-либо негативного последствия от факта своего родства с известнейшим абреком, он уверенно ответил, что никогда ничего подобного не было. В народе его семья до сих пор известна как потомки того самого Канамата.

³⁴ Дудов М. А., Лайпанов Х. О. Указанное сочинение. С. 59.

³⁵ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1416 оборот–1419 оборот.

кованным прозаическим вариантом балкарской народной песни о князе Азнауре. Значительное внимание ее исследованию уделил Х. Х. Малкондуев. Он считает, что песня описывает события, вероятнее всего, относящиеся к XVIII в., и посвящена балкарскому князю Азнауру Жанхотову. По одной из двух основных сюжетных линий ее герой участвует в совместном с кабардинскими князьями набеге на ногайцев. Отбив табун, они возвращаются обратно. По дороге их догоняют и завязывается битва, в которой Азнаур погибает. Его смерть описана Х. Х. Малкондуевым следующим образом: «Надеясь на данное Азнауром слово, ногаец на белом коне подъезжает к нему близко... Когда между ними начался диалог, позади Азнаура раздался выстрел. Раненый Азнаур здесь убивает многих своих врагов. В тот момент, приблизившись, всадник на белом коне выстрелил в грудь героя. Когда его начали одолевать раны, он отпускает своего коня и ползком добирается до Кубани, где и умирает»³⁶. Первичность балкарской версии не может быть оспорена. Оговорка Н. А. Буша, что Азнаур действовал больше в Терской области является прямым подтверждением заимствования песни у соседей-балкарцев³⁷. Однако наличие целого ряда новаций — переосмысление мотива чудесного коня, героического принятия смерти, перенос событий на реалии Кавказской войны XIX в. — говорит о глубокой переработке текста на карачаевской почве и соответственно о его давнем заимствовании.

К событиям из недавнего прошлого Карабая относятся следующие строки, записанные Н. А. Бушем 16 июля 1897 г.: «Недалеко от устья Бу-Ульгена проехали место, где, как рассказывали проводники, был убит абхазцем один карачаевский князь, убит случайно вместо Петруевича, который ходил с казаками прогонять абхазцев с верховьев Клухора. Абхазец выстрелил в князя сверху, со склона, из зарослей молодой бересклета, попал в ногу и еще куда-то и убил. Петруевич возвратился после этого обратно»³⁸.

Исторический контекст отрывка ясен при обращении к архивным документам. В 1866 г. в Абхазии произошло так называемое Лыхненское восстание. Пристав Карабая штабс-капитан Н. Г. Петруевич принял энергично очищать северный склон Кавказского хребта от отар и кочевий, принадлежавших абхазам. Происходили стычки. Судя по его рапорту, хранящемуся в Государственном архиве Краснодарского края, восьмого августа 1866 г. в одной из перестрелок был тяжело ранен поручик Батоко Карамурзин, происходивший из карачаевских чанка³⁹, а сам пристав направился обратно в сторону р. Хасаут⁴⁰. Из последовавшего рапорта помощника Н. Г. Петруевича, видно, что рана стала смертельной⁴¹.

³⁶ Малкондуев Х. Х. Историко-героические песни карачаево-балкарского народа (конец XIV–XVIII века). Нальчик : Печатный двор, 2015. С. 249–250.

³⁷ До Октябрьской революции балкарцы административно были отнесены к Терской области. Абсолютное большинство карачаевцев жило на территории Кубанской области.

³⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1437.

³⁹ Словом чанка в карачаево-балкарском языке обозначается особая социальная группа, занимавшая положение между местной высшей аристократией (бий), которую в русской традиции обычно именуют князьями, и основной частью лично свободного населения ёзден.

⁴⁰ Государственный архив Краснодарского края. Фонд 774. Опись 1. Дело 263. Листы 36–38.

⁴¹ Там же. Дело 8. Листы 51–51 оборот.

Для работы, которую вел Н. А. Буш, было очень важным правильно и точно фиксировать встречающиеся топонимы. Его труды насыщены множеством местных названий. Он часто поправлял ошибки, допущенные в других публикациях, старался дать перевод названий на русский язык. Неудивительно, что ему удалось познакомиться с историей появления одного из них: «От озера открывается чудный вид на гору Чотча-минген-кая, которая названа так потому, что на ее вершину скалистую и острую, на которой и на склонах которой не может даже держаться снег взбирался один карачаевский охотник Чотча. После него многие пытались взобраться на эту вершину, но безуспешно. Чотча совершил свое восхождение лет 30–40 тому назад. «Минген» значит “был”, “кая” — “скала”»⁴².

Предание практически дословно вошло в текст опубликованной статьи⁴³. Позднее оно в той или иной вариации не раз приводилось в литературе, но публикация Н. А. Буша является одной из наиболее ранних.

Ценность дневников Н. А. Буша не ограничивается записями фольклорных или исторических сведений. Многое из того, что видел он сам или его спутники для современных исследователей представляет самостоятельный интерес. Например, 31 июля он был свидетелем следующего эпизода: «Сегодня в 1 час дня выехали из Уч-Кулана. Одновременно с нами выехал в Карт-Джурт поезд за невестой одного карачаевца. В поезде участвовало очень много народа, предводимых одним карачаевцем с флагом домашнего изготовления. Все были очень нарядно одеты и пели песню»⁴⁴.

Эту деталь карачаевской свадьбы описал позднее И. С. Щукин: «В назначенный день из дома жениха выезжают все родственники и знакомые... Едут с песнями, иногда с флагами, на которых изображено родовое тавро жениха над родовым тавром невесты»⁴⁵. Наличие флагов с родовой символикой довольно интересная и не столь распространенная на Кавказе деталь свадебного обряда.

Восьмого июля 1897 г. Н. А. Буш имел встречу с представителями одной из самых знатных фамилий Карачая — Дудовыми. Она произошла при весьма необычных обстоятельствах: «Невестка князя Дудова сватетка, православная, дочь князя Дадишкильани. Чтобы жениться на ней, сын Дудова перешел в православную веру. Это внесло раздоры в семью, и она удалилась к отцу в Сванетию; сын с отцом отправились недавно за ней, и подарили князю Дадишкильани лошадь в подарок для умилостивления. Вчера они возвратились с невесткой сюда и были встречены хором карачаевцев. Танцы шли вчера, идут и сегодня. Она некрасивая, но-сатая. По-моему, не стоило за такою женою так далеко ехать. К тому же она цивилизована — более или менее. Снялась в европейском платье и с книгой в руках»⁴⁶.

⁴² Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1447–1447 оборот.

⁴³ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 528.

⁴⁴ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1469.

⁴⁵ Щукин И. С. Материалы для изучения карачаевцев. Москва : Типография П. П. Рябушинского, 1913. С. 59.

⁴⁶ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1494 оборот–1495.

Отрывок интересен для нас по двум обстоятельствам. Во-первых, слова Н. А. Буша вновь находят подтверждение в сторонних источниках. В недавней статье историки М. И. Баразиев и Р. М. Бегеулов писали: «Христиане-неофиты имелись в XIX столетии и в другой карачаевской княжеской фамилии — Дудовых. Представителем этого рода, принявшим православие, стал Кючюк Дудов. Его супруга жаловалась властям на действия свекра Азамат-Гирея, принуждавшего как ее, так и “сына, своего принявшего христианство” принять ислам» [Баразиев, Бегеулов, 2020, с. 29]. Как видим, объективное подтверждение находит даже мимолетная фраза, о раздорах внутри княжеской семьи. Во-вторых, родившаяся в этом браке Саниат Кючюковна Дудова является прямым предком по женской линии одного из авторов настоящей работы. По семейным преданиям княжна Дадешкилиани после брака действительно оставалась христианкой, «хранила у себя иконки и образа». К сожалению, ее брак не был счастливым и в конце концов она снова бежала на родину, навсегда оставив в Карачае своих детей⁴⁷.

Общение Н. А. Буша с семьей Дудовых продолжилось на следующий день: «Остановились у мельницы рядом с мостом. Осмотрели мельницу и сняли внутренность ее. Я смерил высоту моста; потом князь Дудов (Дудалары) пригласил нас к себе с просьбой фотографировать его дочерей. Он угостил нас великолепным сыром и айраном. У него 2 кунацкие — одна для русских и одна для карачаевцев. В карачаевской стоит громадный очаг с широчайшей домовой трубой. Тут вокруг очага усаживаются гости и ведут беседу. Зимой на очаге постоянно горит огонь, иначе от широкой трубы, оканчивающейся непосредственно в комнату, было бы страшно холодно. У князя оказалась дочка необыкновенной красоты. Она нарядилась в роскошный самодельный наряд с длинными причудливой формы рукавами. Мы сняли сперва ее с отцом и сестрой, а потом одну на большую фотографию. В награду за съемку она одела на Н. Н. кисточку к башлыку. В 4 ½ часа приехали в Уч-Кулан и застали там участкового начальника с женой и братом жены. Они пригласили нас пить чай. Оттуда мы отправились к старшине по его приглашению. Он устроил ужин с водкой и пивом и великолепные танцы. Особенно хорошо танцевали 2 кумыка и недурно 2 еврея. Поздно в 12 часов возвратились мы домой, в общественную квартиру»⁴⁸.

⁴⁷ Этую историю мы многократно слышали от Айшат Юсуповны Салпагаровой (Чипчиковой) (1940–2003) и ее дочери Джаннетта Аслановны Салпагаровой 1965 года рождения. Первая являлась внучкой Саниат Кючюковны. Правдивость сказанного подтверждает другой наш информатор, Мусса Хамитович Дудов 1973 года рождения. По его словам, Кокуна Дадешкилиани — скорее всего это домашнее имя — сильно тяготилась жизнью в Карачае, предпочитая все время находиться в своих покоях за молитвой. Ее уход из семьи был неслыханным для того времени событием, так что до недавнего времени помнили многие детали случившегося. Например, рассказывали, что в первый раз она бежала со своими земляками, пришедшими для меновой торговли в Карачай, добавляя, что это произошло в какой-то дождливый день. Одна из таких партий торговцев повстречалась тогда Н. А. Бушу: «Выше ущелья Хурзука мы встретили грузин, шедших с перевалом. Они предложили нам сушеные груши, которые они носят продавать; оказалась, порядочная безвкусница» [Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Лист 1470 оборот]. После второго ухода супруги, К. Дудов женился на карачаевке из рода Кубановых и жил как мусульманин.

⁴⁸ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1496–1498.

К сожалению, в дневнике нет более подробного описания мельницы или внутреннего убранства кунацкой, нет фотографий княжеской семьи. Но и без этого автор рисует довольно живую картинку того времени, анализ которой не лишен некоторого интереса.

Встретить на рубеже XIX и XX вв. в Карачае выходцев из Дагестана или горских евреев⁴⁹ было не сложно. И первые, и вторые в довольно большом количестве приезжали как мастера-отходники. Местные евреи вели также мелочную торговлю. Об этом местные жители помнят до сих пор. Бросается в глаза, что на ужине у старшины был алкоголь. Духовенство и местная община пытались вести борьбу с его употреблением, как того требовали религиозные предписания, но в некотором количестве он попадал в Карачай; обычно водка или ее суррогаты. Пиво, представлявшее собой скропортияющийся продукт, очевидно было местного происхождения. Имеются источники, говорящие, что в Карачае пиво, варилось и в конце XIX в. Источники подчеркивают, что это делали по особым случаям и исключительно в кругу состоятельных лиц⁵⁰. Ужин в доме старшины для приезжих гостей — как раз такой случай.

Судя по дневниковым записям, Н. А. Бушу пришлась по вкусу карачаевская кухня. За сравнительно короткое время он несколько раз упоминает, как вместе с местными жителями ел предложенные ему сыр, шашлык, чуреки, пил айран⁵¹.

Ближе к концу экспедиции Н. А. Буш пишет, что в один из дней Н. Н. Щукин ездил к башне, расположенной у аула Хурзуке. Там же он осмотрел ныне утерянный национальный символ карачаевцев Джан-гызы-терек — одинокую сосну. Карачаевцы считали, что дерево уже существовало к тому времени, когда они заняли Кубанскую долину, и, по местному убеждению, весь народ погибнет, если не станет дерева. Поэтому сосна считалась неприкосновенной. Любой, кто осмеливался повредить ее, позднее умирал. Вспоминали случай, как некто «рубанул это дерево (срубил ветвь)», и за это Аллах наказал его смертью⁵². Здесь мы сталкиваемся с проявлением распространенного на Кавказе культа дерева. В соответствующей литературе об этом написано довольно много. С незначительными отличиями отрывок был опубликован Н. А. Бушем⁵³.

Ко времени посещения Карачая Н. А. Бушем об одинокой сосне уже писали⁵⁴. Но, судя по дета-

⁴⁹ Недалеко от карачаевских аулов с 30-х гг. XIX в. и до Октябрьской революции существовал аул Джегонасский, населенный горскими евреями.

⁵⁰ Барсов Е. В. [Сообщение]. VI. Отдел Этнографический / Антропологическая выставка 1879 года. Москва : Типография М. Н. Лаврова и Ко, 1879. Том 3. Часть 1. С. 6. Там же сказано, что пиво варили в зимний период, но судя по местным климатогеографическим условиям, это не должно было иметь решающего значения.

⁵¹ Санкт-Петербургский филиал архива Академии наук. Указанный документ. Листы 1430 оборот—1431, 1435, 1493 оборот.

⁵² Там же. Листы 1498—1498 оборот.

⁵³ Буш Н. А. Указанное сочинение. С. 555—556.

⁵⁴ Алейников М. Карачаевские легенды и поверья о древней башне и неприкосновенной сосне // Кубанские областные ведомости. 1879. № 29. С. 3-4.

лям, представленные им сведения были записаны непосредственно у местных жителей. Первое и единственное изображение одинокой сосны встречается в работе Н. С. Иваненкова, посетившего Карабай пятью годами позже⁵⁵. Фотография Н. Н. Щукина, должно быть, являлась первой фотофиксацией и безусловно интересна.

Таким увидел Карабай и карачаевцев без малого столько лет назад Н. А. Буш. Его дневники являются собой интересный, живой срез своего времени. Сложно представить насколько изменились с тех пор места, которые он посетил. Но благодаря Н. А. Бушу мы можем узнать об них немного больше.

Заключение

Записи Н. А. Буша можно назвать уникальными. Современные исследователи кавказского фольклора и этнографии практически не имеют возможности собирать в поле аутентичную информацию у местного населения. Даже в самых удаленных уголках Кавказа население в большинстве своем грамотно и, если не всегда, то, как правило, черпает сведения о своем прошлом, быте и культуре из русской печати, фильмов и т. д. Поэтому при всей фрагментарности и ограниченности разобранного нами материала сложно переоценить его значение. Он подтверждает необходимость тщательного и всестороннего изучения научного наследия Н. А. Буша кавказоведами. Речь идет не только о личном фонде ученого из Санкт-Петербургского филиала архива Академии наук. Материалы, принадлежавшие Н. А. Бушу, также могут быть найдены в других отечественных архивохранилищах. Учитывая, что за свою многолетнюю деятельность Н. А. Буш побывал практически во всех уголках Кавказа, полагаем, что значимую информацию можно будет выявить относительно и других кавказских народов. То, что Н. А. Буш не был ни фольклористом, ни этнографом, ни историком, в этом случае можно рассматривать как достоинство: с одной стороны, мы убедились, что собранные сведения вполне достоверны, а с другой стороны, они были собраны как есть и не подвергались существенной обработке. Конечно, в некоторых случаях Н. А. Буш допускал неточности, и его данные требуют критического подхода. Источники личного происхождения не так часто встречаются при изучении народов Кавказа и их культуры, что также повышает интерес к материалам Н. А. Буша.

Для карачаевской фольклористики и этнографии крайне актуальным является вопрос выявления новых источников информации, и практически единственной возможностью для этого является целенаправленный архивный поиск. Полагаем, что материалы Н. А. Буша могут стать одним из интересных направлений для исследования.

⁵⁵ Иваненков Н. С. Карачаевцы // Известия Общества любителей истории Кубанской области. 1912. Выпуск 5. С. 25—91.

Список литературы

Баразбиев М. И., Бегеулов Р. М. Христиане-неофиты в социально-конфессиональной структуре карачаево-балкарского общества в XIX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. Выпуск 2. С. 22-33. EDN RDTJBE

Месхидзе Д. И. О предметной коллекции из Верхней Балкарии Николая Адольфовича Буша в собрании Кунсткамеры // Кавказология. 2023. № 3. С. 220-250. DOI [10.31143/2542-212X-2023-3-220-250](https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-220-250). EDN WSOTFW

References

Barazbiev, M. I., Begeulov, R. M. (2020). Neophyte christians in the socio-confessional structure of karachay-blkar society in the 19th century. *Bulletin of Adyghe State University. Series 1. Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies*, 2, 22-33. EDN: RDTJBE

Meskhidze, D. I. (2023). On the object collection from Upper Balkaria of Nikolai Adolfovich Bush in the Kunstkamera collection. *Caucasology*, 3, 220-250. EDN: WSOTFW. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2023-3-220-250>

Информация об авторах

Айбазов Аслан Исламович – ассистент, ФГБОУ ВО «Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева», г. Карабаевск, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>; e-mail: aslan-87@yandex.ru

Схалияхо Роза Арамбиевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>; e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2025

Принята к публикации 30.10.2025

Опубликована 01.11.2025

Information about the authors

Aslan I. Aibazov – assistant, Karachay-Cherkess State Pedagogical University Cherkessk, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0034-9408>; e-mail: aslan-87@yandex.ru

Roza A. Skhalyakho – Cand. Sci. (Biol.) senior research fellow Peter the Great's Museum of Anthropology and Ethnography Saint Petersburg, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4005-1887>; e-mail: shalyaho.roza@yandex.ru

Received 7 October 2025

Accepted 30 October 2025

Published 1 November 2025